

РЕАБИЛИТАЦИЯ ИМПЕРСКОЙ ЭКЛЕКТИКИ

После даденной властями команды появилось довольно много статей как бы на тему русской национальной идеи. "Как бы", потому что значительная их часть посвящена не самой идее, а реальности, да и нужности ее существования вне поля нацизма. Что неудивительно, так как признание самой возможности существования просвещенного патриотизма, а тем более – принципиально демократического национализма (особенно, русского)дается нынешним нации либеральным интеллигентам с огромным умственным и эмоциональным напряжением. Это даже не ирония. Ведь они так воспитаны, причем не только советской властью, изначально чуждой как любому национальному чувству, так и демократии, но и той частью дореволюционной интеллигенции, к традициям которой возводит себя основная часть интеллигенции сегодняшней.

Чем русский интеллигент конца XX века прежде всего отличается от интеллигента нерусского? – Тем, что он толком не знает названия букв родной азбуки. Вы думаете, это спатаж или – не дай Бог! – русофобство? – Ничуть не бывало. Опросите сотню кандидатов наук, и Вы с удивлением обнаружите, что значительное большинство заподозрит в слове "ер" что-то неприличное, а соответствующую букву назовет "ятем". Но разбудите тех же испытуемых среди ночи и спросите: что такое гегелевская триада? Вам без запинки ответят: "теза – антитеза – синтез"... и спать уснут, даже не подозревая, что расхожее представление об этом самом "синтезе" имеет столько же общего с действительными рассуждениями классика немецкой философии, сколько синтез термоядерный с синтетическими тканями...

Идет это от общей увлеченности русской публики прошлого века Гегелем, причем лишь аристократическое меньшинство имело время и возможность разобраться в построениях немецкого философа с толком и критически, разначинное же большинство должно было зарабатывать на жизнь и взрывать царя, а потому удовлетворялось утверждением двух-трех наиболее ясных схем, компенсируя малограмотность – фанатичностью. Известнейшая из этих схем, та самая триада, применялась ко всему: от конструирования паровозов до критики религиозных систем и рецептов управления кухней и страной ("Каждая кухарка может управлять государством"). Отсюда и марксистская галиматья о "единстве и борьбе противоположностей". Галиматья не потому, что противоположности не борются или не образуют единства, а потому что неправомерно догматическое применение этого принципа ко всему на свете. У Гегеля ведь речь идет прежде всего об абсолюте, истинном бытии, которое именно в силу своей абсолютности полагает свою противоположность в виде небытия, возвращаясь к себе в полном осуществленном единстве субъекта и объекта. Основная мысль философии Гегеля – тожество бытия и мышления, раскрываемое в живом развитии абсолютной идеи. Укорененность в абстракциях – достаточная причина того, что сложный и отточенный метафизический аппарат Гегеля, будучи соединен с формальной логикой, время от времени приводил и приводит к блестящим результатам в област-

ти точных наук. Однако уже попытка немецкого философа подобным образом проанализировать сущность христианства не смогла удовлетворить ни католических, ни православных религиозных мыслителей. Между тем, говорить о каких-либо тенденциях в российской государственности, о ее прошлом и будущем в отрыве от основных христианских и конкретно православных ценностей непродуктивно даже для честного атеиста.

Там, где речь идет о живой жизни, в том числе – о религиозной, как ее понимает христианство, гегелевские схемы вряд ли приложимы. Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой никак не укладываются в гегелевскую триаду. Гегелевской антитезой Богу Отцу может быть только Сатана как дух небытия и отрицания. Их "синтез", если отвлечься от кощунства, можно искать в мудрствованиях гностиков, вырождающихся в манихейский дуализм, или в буддийской нирване, где стираются различия между бытием и небытием. Христианство – самое диалектическое из всех мировых учений и все состоит из соединения противоположностей, но эта диалектика не гегелевская (даже если избежать профанирования гегельянства), а скорее неоплатоническая! Здесь проблематика триединства Бога решается совсем в иной плоскости. Бог Отец – начало бытийное, сущностное и абсолютное. Будучи абсолютом, оно не может двигаться, развиваться, ибо развитие предполагает некое изменение, а вот изменяться – то абсолютно самодостаточному Существу вроде бы и невозможно. Между тем, попытка лишить Бога способности к чему-либо (в том числе, способности к движению, изменению) парадоксальным образом лишает Его абсолютности. Вот христианская диалектика и разрешает этот парадокс через понятие Бога Сына, Который, будучи по большому счету той же Сущностью, что и Отец, повернут к человеческому разуму другой стороной, лицом, "ипостасью" – той гранью Божественной Личности, что с точки зрения человеческого сознания как бы "отвечает" за движение, восполняет этот "недостаток Абсолюта". Ситуация вполне аналогичная тому, что мы наблюдаем в физике элементарных частиц, где каждая такая частица существует одновременно в двух "ипостасях" – волны и корпускулы, притом что силовое поле, каясь за профанацию, можно уподобить Духу Святому. Можно сослаться и на учение о Богочеловеке, который не наполовину Бог и наполовину человек, и не богочеловеческий синтез, вроде древнегреческого кентавра Хирона, брата Зевса, а "стопроцентный" Бог и столь же полномерный Человек, или на учение Григория Паламы об эманациях Божественных сущностей. Отличным примером может послужить даже знаменитое тертуллиановское "Credo, quia absurdum est", в котором совершенно напрасно многие видят выражение обскурантизма, ибо говорить о ВЕРЕ только тогда и можно, когда явление не согласуется с позитивным знанием, что вовсе не означает, будто явления не существует. Так, схождение параллельных в геометрии Лобачевского, пребывание одной и той же сущности в виде волны и в виде корпускулы или невозможность одновременно точно определить координату элементарной частицы и ее момент ничуть не лучше согласуются с обыденным сознанием и представлениями о доказуемом подавляющего большинства людей (если не всех, включая самих создателей соответствующих теорий), чем христианские истины, и принима-

ются практически на веру, ибо выглядят достаточно абсурдно.

Между тем, статьи знаменитых сборников "Вехи", "Из глубины", а в сравнительно недавнем прошлом - "Из-под глыб", скрываясь за подзаголовками "... о русской интеллигенции" или "... о русской революции", по сути дела разрабатывают именно интересующую нас тему. Причем без всякой команды свыше. Пересказывать их содержание было бы самоцелью и просто непродуктивно: желающие имеют сейчас возможность ознакомиться с оригиналами. Отметим для себя лишь основное. Во-первых, русская интеллигенция всегда была неоднородна, и, нравится это кому-то или нет, но большую ее часть следует по слову Солженицына называть "образованцией". Категория эта не количественная, а качественная, мировоззренческая. Если уж общим местом стало суждение о том, что настоящим интеллигентом, интеллигентом по духу может быть рабочий или крестьянин, то следует признать и противоположное: самый натуральный академик может оказаться типичным "образованцем". В чем же разница? Видимо, в том, что "настоящий интеллигент" суммирует духовный багаж нации и человечества, он исходит из традиции и мучительно выстраивает что-то новое и собственное. "Образованцу" же традиция не интересна. Новое он не строит сам, а берет готовым на "всемирной ярмарке" идей. При этом, естественно, выбирает, как правило, то, что завернуто в самую блестящую упаковку. Но ведь даже покупая колбасу, мы научились, кажется, смотреть не на красу этикетки, а на описание содержимого... Хвастливая, самонадеянная, не умеющая, да и не желающая самостоятельно мыслить основная часть тех, кого еще в прошлом веке начали называть "интеллигентами", - позор русской нации, а вовсе не "ум, совесть и честь". Они так же отличаются от тех достойнейших людей, что по недоразумению известны под тем же названием, как полуграмотный, вечно пьяный сельский попик - от митрополита Филарета, высоконудрого собеседника Пушкина, и других действительно замечательных представителей того же, казалось бы, самого "духовного сословия".

Второй урок хрестоматийных статей: российская духовная, культурная, политическая и материальная история - часть общемирового процесса, противопоставление России всему остальному миру смешно и нелепо, но это вовсе не исключает существеннейших национальных особенностей, своих собственных исторических задач и оригинальной общемировой миссии. Просто следует помнить, что своя историческая миссия была, есть и будет ни у какого-то одного, "избранного", но у многих народов. А мессианство (как и миссионерство) - это не право получать всех вокруг с высоты собственного величия, а тяжелый крест, зачастую - и мученичество.

Если же признать возможность и необходимость разработки позитивной национальной идеи, надо бы выяснить и какой ей быть. И вот здесь мы сталкиваемся с очень любопытным явлением. Дело в том, что статей, посвященных этой стадии национальной работы, тоже, казалось бы, довольно много. Но опять же - "казалось бы". Пишут обычно - и так и объявляют во вступительных словах! - в одной из двух манер: или о том, чего ни в коем случае в национальную

идею допускать нельзя, или – как хорошо бы, чтоб эта самая идея включала в себя все самое замечательное, либеральное и демократическое. Забавно, что оба этих подхода бессознательно копируют два типа богословия: апофатическое (каким Бог быть не может) и катафатическое (качества, Богу присущие). Но человечество – не Бог, и естественное в теологии оборачивается дурацким выбором между ноздревщиной и маниловщиной в земной жизни.

В применении же к более приземленным материям и к российским особенностям продуктивнее, пожалуй, говорить об эклектике. Но здесь мы опять рискуем стать рабами терминологии. Советские наследники гегельянских начетников прошлого века практически всюду определение эклектики начинают со слов: "беспринципное смешение различных, зачастую противоположных философских взглядов". Но само слово происходит от греческого *eklektos* – "избранный, отборный" (от глагола *eklego* – "избирать, отбирать") и ничего негативного в себе не несет. Популярный в начале века "Философский словарь" Э.Л.Радлова, как бы оправдываясь перед воинствующей полуграмотной тогдашней "образованщиной", поясняет: "всякая новая философская система поконится на предшествующем развитии, т.е. на той истине, которая до-быта трудом предшественников, а, следовательно, ни одна система не лишена эклектических элементов". Именно эклектика как способность отбирать лучшее из разнородных и живых источников, а не гегелевское синтезаторство лежит в основе русской культуры и русской государственной мысли. И недопонимание этого, попытки поиска абстрактно конструируемого, идеального, но на деле нежизнестойкого слияния Востока и Запада, духовного и материального, культуры и цивилизации, попытки осуществить их своего рода термоядерный синтез (со всеми вытекающими последствиями) вместо того, чтобы ограничиться их смешением по образцу обычной водно-масляной эмульсии, такое трагическое самообольщение как раз и приводит к тому, что в политической практике мы никак не можем найти оптимальную для нас линию развития.

Действительно, многие явления сегодняшней российской политической жизни заставляют вспомнить рассуждения Л.Н.Гумилева о химерах, причем внешне это часто выглядит как искусственный поиск антитез, завершающийся уродливым псевдосинтезом. Так, на место достаточно естественной в XIX веке сопоставленности западничества и славянофильства, характеризовавшейся значительной степенью взаимопонимания и взаимопроникновения (вспомним Достоевского!), пришло явно разрушительное, контрпродуктивное противопоставление демократии и патриотизма, переходящее в правительенную концепцию "просвещенного патриотизма", на практике больше похожую на вполне химерическое единство шовинизма и псевдodemократических лозунгов. Между тем, здравый смысл говорит, что будущее у России возможно лишь на почве взаимодополнения принципов западной демократии и здорового национального чувства.

Столь же противоестественно решается сейчас и вопрос отношений Центра и провинций. В принципе, в государственной практике возможны прямо противоположные модели этих отношений: от жестко централизованной (Франция) до допускающей весьма широкую степень автономии федерирующих частей (США, Швейцария). Но у нас советскому тезису тоталь-

ного централизма был противопоставлен антитезис анархической суверенизации ("пусть берут столько суверенитета, сколько смогут"). Попытка гармонично слить их, и на этих двух взаимоисключающих опорах построить здание новой государственности могла привести только к таким катаклизмам как развал СССР, война в Чечне, опасная напряженность в Крыму, Татарии и других местах. "События в Чечне, - сказано в резолюции Народно-Трудового Союза российских солидаристов от 10 марта 1995 г. 'Что ожидает Россию', - пример разрушительного столкновения центральной власти и местных кланов, опасного для первой и гибельного для вторых. Действия федеральных властей по устранению незаконного режима в Чечне были конституционно оправданными, но политически неподготовленными, а по исполнению - советскими".

К сожалению, примеры можно множить. У нас сейчас парадоксальное положение, когда на главных врагов армии больше всего похожи многие высокопоставленные генералы из "Арбатского военного округа", фермерскому движению вставляет палки в колеса Аграрная партия, а высшие чины государства спокойно рассуждают о переносе выборов, о неисполнении целого сонма законов и о самых разных иных откровенно антиконституционных замыслах "в связи с целесообразностью". При этом дело ведь не в том, что для утверждения демократии предлагается прибегнуть к авторитарным методам. История разных стран мира показывает, что такой подход часто бывает оправдан. Но в таких случаях представительные органы просто распускаются (в том числе, местные), Конституция отменяется и реформатор или группа реформаторов на определенный срок берет на себя всю полноту власти, сознавая при этом, что придется время, и хочется - не хочется, но скорее всего придется нести и всю полноту ответственности. По крайней мере, моральной. Ведь ответственность вовсе не обязательно сопряжена с какими-то карами. Более того, если реформатор честен и умен (как, например, де Голль), то его ждет не осуждение, а триумф. У нас же пытаются осуществить лукавую попытку создать диковинный гибрид из пародии на цезарепапизм и внешне благопристойных парламентских и демократических форм. При этом закладывается мина замедленного действия под будущее: те силы, приходом к власти которых постоянно запугивают избирателей, остаются в действующих парламентах, центральном и местных, сохраняя и умножая главные свои козыри: право с успехом критиковать неизбежные неудачи исполнительной власти и пропагандировать свои идеи. В чем же тогда "целесообразность"?

Не честнее ли, а главное, не продуктивней ли сделать эклектический отбор лучшего из парламентских и президентских республик и даже, быть может, из монархий и - о, ужас! - диктатур? Разве это не в национальных традициях, если еще Новгородское Вече призывало князя на княжение (с достаточно ограниченными функциями), а тот, ради о православии, убеждал вольный ганзейский город пойти на поклон к татарскому хану? Стоит, кстати, напомнить, что вопреки появляющимся порой в печати обвинениям личную власть Александра Невского это отнюдь не укрепляло, а хан в ту пору был не язычником и уж, тем более, не мусульманом, а по крайней мере формально - христианином, хотя и

в еретической форме несторианства. Уничтоженное Петром патриаршество и практика земских соборов сочетались с принципом самодержавия тоже отнюдь не по-гегелевски, как и многочисленные прозападные реформы самодержцев Восточной Империи, о которых еще Пушкин сказал, что все Романовы немного революционеры.

У любой нации, которой трагически повезло влиять на жизнь человечества, собственная идея, смысл народного существования вытекают из национальной истории и связанных с нею культуры, верований, материальных условий бытия. Если сравнительно небольшой и разделенный на множество мелких государств народ почти две с половиной тысячи лет тому назад победил, а спустя век с лишним, ведомый молодым и гениальным вождем, уничтожил могущественнейшую империю за счет личной доблести и изощренного разума, нестандартности мышления, то бессмысленно бороться с культом индивидуализма и рационализма в его самосознании. Если другой народ на протяжении тысячелетий достигал успеха благодаря верности традициям и количественному превосходству над соседями, то некоторая доля косности надолго останется присуща его духу, а политика ограничения рождающейся вряд ли приведет к существенным результатам в исторической перспективе. И сильные и слабые стороны национальных идей не конструируются университельно. Они коренятся в прошлом, корректируются настоящим и в значительной степени объективны. Задача мыслителей — осознать их, сформулировать и нащупать пути усиления позитивных и ослабления негативных сторон национального характера и народных чаяний, то есть того, что и рождает феномен "национальной идеи". Прописать же России некий набор "общечеловеческих ценностей", строго наказав при этом не делать ничего такого, что хоть кому-то может не понравиться, — это то же, что смешать мороженое с селедкой, конфетами и жаренным мясом, но чтобы горького и кислого — ни-ни!

Идею нельзя придумать, ее можно лишь вычитать в отечественной истории. Не крепостное право и не самодержавие были самыми яркими особенностями нашей страны. И то и другое бывало во множестве стран мира, в том числе — во многих западноевропейских, причем совсем недавно (до националистических войн, а кое-где — и позже). Найдутся во вполне цивилизованных ныне странах и свои аналоги нашему татаро-монгольскому игу (мавры в Испании, турки на Балканах и т.п.) Действительная уникальность России — в ее положении между Западом и Востоком, СОПРЯЖЕННОМ С ОГРОМНОЙ ТЕРРИТОРИЕЙ, в первом в мире опыте ПОРАБОЩЕНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИЕЙ и в нучительной работе по ее ИЗЖИВАНИЮ. В выдавливании из себя по капле коммуниста, как мог бы сегодня сказать Чехов. Эти явления и следует, видимо, осмыслить как основные в деле становления обновленной российской национальной идеи.

Между прочим, осознание пространственного фактора как важнейшей составной части национальной идеи приводит к любопытным практическим выводам. Нынешняя ориентация России на торговлю сырьем, как понятно всем, малоперспективна: даже самые масштабные его запасы рано или поздно кончатся, причем при нашей хищнической эксплуатации скорее рано, чем поздно. Прокламируемые надежды на научно-технические технологии, интеллектуальные ресурсы и дешевую, но

высококвалифицированную рабочую силу, к сожалению, тоже не слишком надежны. Дешевый труд очень быстро перестает быть квалифицированным, интеллектуалы эмигрируют, а рождаемость вместе с численностью населения сокращается. Но у нас есть один действительно неисчерпаемый ресурс: географическое положение и протяженность территории. В принципе, Россия просто обречена стать мостом между Европой и Юго-Восточной Азией, но пока успешно сопротивляется таким чрезвычайно выгодным для себя возможностям развития. Остается надеяться, что к лидирующим позициям во всех видах связи и транспорта нас принудят общемировые интересы против нашей собственной воли — как бы до сих пор нас ни губили "дураки и дороги".

Тысячекилометровые пространства, особенно в Старом Свете, с неизбежностью влекут за собой и полигибельность государства, многоукладность его культуры. Как можно "синтезировать" духовный мир народов Севера и Кавказа, финнов и маньчжуров? На основе традиций главенствующей нации, то есть русских? Но такому процессу есть другое название — ассимиляция. Это явление общемировое, но за многие тысячи лет существования человечества оно так же далеко от завершения, как и во времена строительства Вавилонской башни. И понятно почему. Всемирная ассимиляция означала бы духовную смерть человечества. Как в биологии унификация генотипа приводит к вырождению, так и в жизни духа необходимо разнообразие системообразующих элементов для сохранения способности к развитию. Взаимопроникновение и взаимодополнение культур, с другой стороны, тоже необходимо — хотя бы для осознания общечеловеческого контекста отдельных национальных историй, — но обогащение одной культуры наиболее ценными, жизнестойкими достижениями других культур без потери собственного лица как раз и есть эклектика (по определению), а отнюдь не синтез. Возьмем простейший пример из области материальной культуры. Нас убеждают, будто "новое поколение выбирает пепси" или кока-колу. Но множество людей (в том числе и автор этих строк) предпочитает в буквальном смысле слова "квасной патриотизм". С другой стороны, ряд народов России, как пили, так и будут в обозримом будущем пить кумыс. В принципе, синтез кваса, кумыса и кока-колы как напитка, соединяющего основные качества исходных на органической основе, наверно, возможен. Но скорее всего станет несусветной гадостью. Не лучше ли, как прежде, от туберкулеза лечиться кумысом, в окрошку наливать квас, а на пляже пить национальный аналог кока-колы "Байкал" (кстати, едва ли не по всем параметрам превосходящий западный образец)?

Любопытно, что историческая Россия была одной из немногих стран, где ассимиляционные процессы никогда не форсировались. Народы, имевшие свои письменность, фольклор, религию, хозяйственный уклад, обычное право (за исключением явно варварских норм) и аристократию, их сохранили. Недаром, когда Элиас Лённрот во второй половине прошлого века записывал руны "Калевали", он с удивлением обнаружил, что подавляющее большинство их сохранилось лишь в Русской Карелии и в Ингерманландии: в "коренной" Финляндии за несколько столетий вполне политически либерального шведского владычества они оказались позабыты. Этот пример чрезвычайно характерен для судеб малых народов.

дов в мировых империях с одной стороны и в государствах, мыслящих себя в основном monoэтническими, — с другой. Имперский принцип не этнократичен, ибо во главу угла ставит интересы государства, а не той или иной нации. Так было в империи Александра Македонского и в эллинистических государствах, так было в Древнем Риме, в последний период существования Австро-Венгрии, когда она осознала себя континентальной полицентрической Империей, а не средневековым немецким княжеством (на ее беду — слишком поздно), так было в России и так обстоит дело в сегодняшних США. Сложнее с такими странами, как Великобритания, Франция или Испания. Они выросли из monoэтнических образований, и у себя в метрополии, в Европе до самого последнего времени по инерции проводили жесткую ассимиляторскую политику против ирландцев, бретонцев, басков и других — вплоть до физического уничтожения каждого, кто посмел бы пользоваться местным языком (во Франции последний расстрел за употребление в быту, например, вандейского языка зафиксирован в посленаполеоновскую эпоху). Но в общемировом масштабе те же государства вели себя по-имперски, способствуя сохранению и умножению культурных особенностей колониальных народов. Недаром один из самых оригинальных мыслителей XX века, основатель африканского националистического движения "негритий", покойный президент Сенегала Лепольд Сенгор писал, что африканские страны должны не стыдиться, а гордиться своим колониальным прошлым, ибо приобщенность к культурам Англии и Франции для них такая же честь, как для самих европейцев когда-то в прошлом была принадлежность к Римской Империи. **НАСТОЯЩАЯ ИМПЕРИЯ — ЛУЧШИЙ ГАРАНТ РАВНОПРАВИЯ И РАСЦВЕТА МАЛЫХ НАРОДОВ, ВХОДЯЩИХ В ЕЕ СОСТАВ.**

Но и в пределах "главенствующей нации", по крайней мере, в России эклектика как одна из форм существования имперской идеи продуктивнее умозрительного синтеза. Петербуржцы любят подтрунивать над архитектурной пестротой Москвы. Но откровенная, кричащая эклектика ее зодчества принципиально не так уж и отличается от скрытного эклектизма северной столицы. Покорыряйте очень многие, внешне вполне европейские петербургские дома — и вы найдете даже не татарина, а натурального мавра или левантийского еврея сперва в детализации фасадов, а если удастся заглянуть внутрь, — в восточном буйстве интерьеров. Какой уж тут "синтез", "отрицание отрицания" и прочее псевдогегелевское словоблудие!.. Мы не "мыслящий тростник". Мы нация высокоталантливых разумных галок: тащим все сиюе блестящее со всего света: чай из Китая, гекзаметр у древних греков, шашлык с Кавказа, барокко из Италии и атомную бомбу из Америки, прихватывая попутно и без разбору всякую рухляедь вроде марксизма, буддизма, monetаризма, "Золота Трои" и трофеиных кинолент.

Полюбуйтесь на нашу поэзию! Где, в какой национальной поэтике вы найдете отголоски и самоуверенные переделки чуть ли не всех поэтических техник мира от польских виршей до японских хокку, от германского акцентного стиха до французского верлибра!? И это при том, что вполне в духе нашей ухарской хваткости действительного значения этого последнего термина обычно не ведают даже довольно образованные и талантливые поэты, эти самые верлибры ли-

щущие. Девять из десяти литераторов скажут вам, будто верлибр — это "белый стих", стихи без рифмы, не подозревая, что один из основных создателей жанра, Верхарн, писал почти исключительно в диффу, и забывая, что по такому признаку пушкинского "Бориса Годунова" пришлось бы записать в верлибровую классику. Подобные явления разбросаны по всей нашей культуре, истории, национальной психологии. Причем если Петербург еще действительно пытается что-то синтезировать (как известно, даже день с ночью), то Москва и остальная Россия над этими потугами откровенно потешаются и кажут фигу. И дело тут не в противопоставлении славянофильства западничеству — в сегодняшней Москве ничего славянофильского не осталось, она скорее символ американизации в противоположность все еще ориентированному на Европу Петербургу. Дело в принципиальной, постоянно подчеркиваемой дробности национального сознания, в той "всемирной отзывчивости", которая ведь не в том, чтобы каким-то безумным кутюрье скроить нечто объединяющее кимоно, черкеску и пиджак, а чтобы, словно в модном магазине, купить все готовое, оригинальное и самого лучшего качества.

Плохо это или хорошо? В том и загвоздка, чтобы набраться смелости, да так и сказать: да, мы воры, галки и завязанные эклектики, член гордимся и от чего не отступимся. Дайте только срок, и мы стащим все, от чего есть хоть какой прок. Единственное, чего мы не тронем, — это пуританские добродетели с протестантской этикой. И не то чтобы мы не понимали их ценности — мы бы и рады присвоить их вместе со всем остальным скарбом! — но не получается, не приживаются они в нашей разбойной душе. И не приживутся никогда. А кто пытается из нас и этих лютерских услад что-то там синтезировать, так забыл, видно, в какой стране живет. "В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань..."

Означает ли это, что у нас нет ничего своего, а все только заимствованное? — Вовсе нет. В каком-то смысле даже наоборот. И в поэзии, и в архитектуре, и в политике у нас всегда были не только инородческие, но и свои собственные, глубоко оригинальные достижения (к примеру, самобытная поэтическая ткань "Слова о полку Игореве", деревянное зодчество или земство). Но они всегда оставались сами по себе, взаимодействуя, конечно, с пришлыми элементами, но не сливаясь с ними и даже их не отрицая. Именно благодаря этому и свое, и заимствованное только ярче проявлялось на фоне друг друга и бывало способно достичь своих вершинных форм (естественно, не без национальной специфики). Такими по-своему вершинными формами могли оказаться собор в Кижах и творчество Растрелли, русский авангард начала XX-века и... марксизм.

Этот последний проник из Европы в общество, где одновременно сосуществовали самые крайние для своего времени представления о либерализме с самыми крайними (спять-таки, в тогдашнем понимании) традициями политического консерватизма. Причем обе тенденции странным образом уживались в обществе, в правительственный кругах и даже в отдельных личностях — без всякого синтеза, а именно по эклектическому принципу! Ведь вопреки поезднейшей мифологизации поразительно передовые политические идеи рожда-

лись не столько в среде прекраснодушно злобствующей интеллигенции, но едва ли не чаще — в умах царей и их министров. Чтобы не поминать всеу хрестоматийных в этом смысле Александра II и Столыпина, напомним лишь, что считающийся записным консерватором Александр III отменил подушную подать, снизил выкупные платежи и был принципиальным сторонником мирного сосуществования, а его несчастный сын, столь презираемый либеральной интеллигенцией Николай II предложил на Гаагской конференции 1899 г. идею взаимного разоружения европейских государств, опередившую свое время, судя по всему, лет на сто с гаком. Не удивительно, что в стране, где происходило столь жесткое соревнование идей, где все идеологии норовили проявить свои крайние качества, марксизм тоже достиг своих "вершинных форм", выявив те свои следствия, что остались скрытыми в респектабельной Европе. Зато и реакция на коммунизм, изживание его достигают у нас пророческой силы, малопонятной западному сознанию. Анекдотично и отвратительно выглядят постому попытки синтезировать коммунизм и демократию, объявляя какие-то райские эпохи взаимного примирения и всепрощения. Именно глубоко патриотичный антикоммунизм, осознанный как национальная форма демократии, станет, по видимому, той "русской идеей", поисками которой вдруг озабочились власти. Потому что именно такой антикоммунизм придает смысл самому существованию России во всенирно историческом контексте.

И вот тут мы сталкиваемся еще с одной специфической нашей тенденцией: тягой к мессианству. Мессианских народов в истории было достаточно много, но мессианизм, как правило, выражался не в благословении царить среди других земных народов, но в стремлении довести до крайней степени напряжения какую-либо идею или систему идей и продемонстрировать миру наиздание: катастрофичность отпадения от этой идеи или порочность самой идеи.

В чем мессианство ёврейского народа? В даровании миру идеи единобожия, духовного и бытийного Абсолюта. Но прочитайте Библию — весь Ветхий Завет только о том и повествует, как отпадал древний Израиль от своего договора с Богом, поклонялся Золотому Тельцу и всяческим мерзостям, за что и был "народ жестоковыйный" недадно караем грозным Яхве. Здесь не место рассуждать о сравнительных достоинствах конфессий, но два с половиной тысячетелетия искупал "избранный народ" грех неисполнения собственных задач — и даровал-таки Человечеству несколько мировых религий, перевернувших землю, а себе — зыбкое успокоение на "земле обетованной".

В чем мессианство немецкого народа? Не в преодолении ли общемировой заразы нацизма? Как ни странно, свирепая этнократия в истории далеко не так широко распространена, как всякие сомнительные культуры. С некоторыми натяжками можно припомнить Ассирию, Карфаген, отдельные эпизоды истории Китая, Оттоманскую империю... Но во всех этих случаях дело было не столько в национальном, сколько в религиозном и идеологическом притеснении. Не могло быть и речи об угнетении, скажем, турками какой бы то ни было этнической группы, если она приняла ислам. Беспримесный нацизм — особенность нового времени и режимов, пытающихся таким способом преодолеть "комплекс национальной неполно-

ценности", и Германии выпала сомнительная честь явить его миру в химически чистом виде. Впрочем, шла она к этому, онемечивая славян, несколько столетий и расплатилась ужасами двух мировых войн, оккупацией и разделом страны. Но изживание нацизма оказалось бескомпромиссным и по-немецки основательным. Что ж! Зато и нынешние результаты налицо... Сильные же и уверенные в себе нации — как и люди — не нуждаются в ущемлении чьих бы то ни было прав.

Наше мессианство — в преодолении искуса коммунизма. Эта отрава тоже известна человечеству давним-давно (по меньшей мере со времен Платона). Она тоже угрожает всем народам земного шара. Мы первые, но далеко не единственные, испытавшие ее. И вопреки распространенному заблуждению далеко не все страны и народы восприняли коммунизм по нашему принуждению. А потому победа над ним — задача и честь мирового масштаба. Вспоминается древнеиндийский миф о Шиве, которому пришлось выпить квинтэссенцию вселенского яда, чтобы уберечь от него мир. Такова была страшная мощь этого яда, что даже у могущественного бога посинело от него горло, почему и получил Шива почетное прозвище "синегорлый". От отравы, которую выпила Россия, краснеют. И не только в переносном, но и в буквальном смысле, ибо это цвет крови. У нас тоже есть соответствующие прозвища, только ничего почетного в них не слышно. Дай Бог, чтобы "краснорожих" и "краснозадых" нас когда-нибудь стали называть "онывшимися и очищившимися кровью"...

Порой при попытках полностью и бескомпромиссно преодолеть наш семидесятилетний морок приходится слышать упреки в "зоологическом антикоммунизме". Что ж! Остается лишь порекомендовать критикам эксперимент, который был бы лучшим критерием истины: пусть попытаются лишить собаку частной собственности на косточку или медведя — на берлогу. Тогда они узнают, существует ли антикоммунизм в животном мире и каков он из себя. С другой стороны, в печати появлялись сообщения со ссылкой на ленинского наркома здравоохранения Сеняшико о том, что у Владимира Ульянова в черепной коробке после вскрытия в основном была обнаружена "зеленая жижа" вместо мозга и, следовательно, обычный человек на его месте вообще не мог бы мыслить, а Ленин разговаривал и даже книжки писал. Если это правда, логично предположить, что был он не *homo sapiens*, а невиданным мутантом, провозвестником появления нового вида приматов. Это даже не пресловутый *homo sovieticus*, ибо этот последний — лишь публицистически заостренное обозначение чисто поведенческих, а не физиологических отличий весьма широких народных масс, которые, впрочем, могли стать питательной средой для распространения органических изменений. Другими представителями этой видообразующей мутации могли быть Гитлер, Сталин, Борман, Берия и прочие коммунистические вожди. Доподлинно выяснить это можно, лишь проведя тщательную биологическую экспертизу, которой, к сожалению, до сих пор никто не озабочился. Антикоммунизм, обусловленный результатами такой экспертизы, быть может, действительно мог бы именоваться "зоологическим". На более сдержанные возражения можно дать и более сдержанные ответы.

Может ли идея быть "национальной", если она объединяет лишь часть нации? — Может и должна. Выдвигающие этот

аргумент сами признают, что коммунизм — хорош ли он или плох — идеологически сплачивал страну три четверти века. Убежденные антикоммунисты не отрицают этого факта (при всех уточнениях и объяснениях), так же как и "верные ленинцы". Но ведь из этого следует, что 75 лет государство сплачивала идеология, с которой полстраны сперва воевало с оружием в руках на фронтах, потом — с кайлом в руках по лагерям и, наконец, анекдотами и самиздатом буквально в каждом доме. Откуда же минимум двум третям населения быть сегодня явными противниками коммунистических догм, если бы скрытыми их врагами они не были уже 20 лет тому назад? И почему же идея, разделяемая едва ли половиной народа, в те времена могла играть роль государственной, а сейчас идея противоположная, ноозвучная, судя по итогам многочисленных голосований, большинству, — не может? Не потому ли, что в нее "не вписывается" те, кто по долгу службы и по их собственным заявлениям оказался бы обязан проводить ее в жизнь?

"Это наша история. Историю изменить нельзя и нельзя вычеркнуть из нее целый период!" — патетически восклицают другие. — А зачем что-то вычеркивать? Разве немцы вычеркнули гитлеризм из своей истории? Они вычеркнули его из своего сознания. Так нет ни памятников Гитлеру, ни улиц имени Геббельса, ни какой бы то ни было символики Третьего рейха иначе как при глубокой конспирации. Но из истории никто нацизм не вычеркивает, а наоборот: детей учат в школах понимать преступность того режима и невозможность допустить какой-либо его рецидив. Так и нам было бы необходимо судить КПСС не "политическим судом" (она ведь и сама называла себя "партией нового типа", то есть не политической, а национальной по своей сути и структуре организации), но обычным уголовным: за измену родине, убийства десятков миллионов людей, грабежи. И не выращивать очредную синтетическую химеру участия бандитских группировок в политической жизни демократической страны, а раз навсегда запретить функционирование любых человеконенавистнических организаций — от нацистских до коммунистических — вместе с их флагами и эмблемами.

Это действительно почетная миссия, но самому нашему народу на первых порах она принесла бы не благополучие, а тяжелые испытания. Однако они в любом случае избежны. Более того, перейти к фазе подъема можно лишь после вынесения самого сурового диагноза и прохождения полного курса лечения. Страшные напряжения и опасности, ожидающие нас сегодня, представляются с этой точки зрения последним (или предпоследним?) пароксизмом изживания коммунистической антисистемы. Возможно, это самый опасный момент национальной истории. Нам нужно пережить это время, найдя притом в себе силы избавиться от присосавшихся к национальному организму химер. Сегодня это гораздо труднее, чем в 1917 г., когда еще не были уничтожены здоровые силы народа. Если мы справимся с этой задачей, Россия достойно вступит в III тысячелетье; если нет, если позволим увлечь себя бесплодным мечтаниям о соединении несоединимого, то рискуем увлечь за собой в бездну хаоса, анархии и распада целый ряд соседних государств и народов — не исключено, что даже за пределами сегодняшнего СНГ.

сентябрь 1997 г.